

комментария о Ф.М. Достоевском занимает общая характеристика его романов (с. 553).

Помимо биографических справок (объём которых колеблется от нескольких строк до целой страницы) «Комментарии и примечания» содержат огромный пласт сведений, совершенно необходимых для понимания текста дневника. Это и данные о революционных событиях и периодических изданиях, упоминаемых автором, и отсылки к фрагментам Священного Писания и церковным песнопениям, которые приводит Тихомиров, и пояснение литургических терминов и устаревших выражений, и перевод иностранных слов и фраз и проч., и проч. Всё это требовало скрупулёзной работы, колоссальный объём и сложность которой видны далеко не каждому читателю.

В то же время сам размер комментариев уже не позволил бы их автору расширить свою задачу и систематически показать, как воспринималось то, о чём пишет Тихомиров, людьми его круга. Это потребовало бы слишком существенного увеличения в примечаниях «параллельных» цитат из их писем и дневников. Правда, это всё же скорее задача не публикаторов, а после-

дующих исследователей. Тем не менее, в какой-то мере её решение Репниковым намечено (с. 443, 486, 532, 556–567, 566–567, 572). Подводя итог, нельзя не признать, что рецензируемое издание отличается высокой археографической культурой, которая всё реже встречается в наше время, когда публикацией источников зачастую называют скоропалительные перепечатки (в чём-то такая литература даже хуже репринтов, поскольку невольно увеличивает количество неточностей и опечаток). Книга же А.В. Репникова и Б.С. Котова, несмотря на незначительные недостатки, может служить образцом профессионального подхода к делу.

Примечание

¹ Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1–5. М., 1989–2007; Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2005; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010; Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. М., 2013; и др.

Константин Обозный

Рец. на: А.А. Кострюков. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: ПСТГУ, 2015. 488 с.

Konstantin Oboznyi

(St. Philaret's Christian Institute in Moscow, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Kostriukov. Russkaia Zarubezhnaia Tserkov' v 1939–1964 gg. Administrativnoie ustroistvo i otnosheniia s Tserkov'iu v otechestve. Moscow, 2015

Доктор исторических наук А.А. Кострюков уже много лет успешно изучает историю Русской Зарубежной Церкви в XX в. Осветив в предыдущих работах годы становления её структуры и управления, а также отношения с Церковью в Советской России в 1920–1930-е гг.¹, в своей новой книге историк подробно описывает

особенности жизни, служения, мировоззрения и взаимоотношений её иерархов с предстоятелями других православных поместных церквей в 1939–1964 гг. – от начала Второй мировой войны до смерти первоиерарха Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) митрополита Анастасия (Грибановского), которая за-

вершила целую эпоху в судьбе русского церковного зарубежья и почти совпала со сменой руководства в СССР. Ранее эта тема, хотя и привлекала внимание исследователей, но рассматривалась ими лишь частично и не всегда беспристрастно².

Исследование Кострюкова написано на основе широкого круга источников, многие из которых до этого не анализировались историками. Среди них – материалы ГА РФ и ЦА ФСБ РФ, документы из архивов Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, Архиерейского Синода РПЦЗ, Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле и Русской духовной миссии Московского патриархата в Иерусалиме. Тщательно проработаны автором и церковные периодические издания русского зарубежья: «Вестник РСХД», «Православная Русь», «Церковная Жизнь», «Церковный вестник Западно-Европейской епархии», «Хлеб Небесный». Монография состоит из четырёх глав, библиографического списка, именного указателя и приложения, включающего подборку документов. Издание украшают фотографии архиереев Русской Зарубежной Церкви, некоторые из них публикуются впервые.

В самом начале монографии кратко характеризуется положение Русской Зарубежной Церкви в 1920–1930-х гг., автор рассказывает о возникновении зарубежного Высшего церковного управления и сложности канонических оснований деятельности Зарубежного Синода. Справедливо полагая, что «1927 г. вполне может считаться началом разделения между Церковью в России и Церковью в эмиграции» (с. 31), Кострюков указывает на последовавшие затем размежевания: уже во второй половине 1920-х гг. от Зарубежного Синода в Сремских Карловцах обособились Северо-Американский округ во главе с митрополитом Платоном (Рождественским) и Западно-Европейский экзархат, находившийся под управлением митрополита Евлогия (Георгиевского) и с 1931 г. оказавшийся в юрисдикции Вселенского патриархата. По мнению исследователя, попытки объединения русских православных общин в Европе натолкнулись «на нежелание митрополита Евлогия выходить из юрисдикции константи-

нопольского патриарха» (с. 35). Однако причины этого не поясняются. Между тем владыка не мог не считаться с неприязнью некоторых архиереев Зарубежного Синода к Парижскому Свято-Сергиевскому Православному институту и его декану прот. Сергию Булгакову, к творчеству религиозных философов и богословов, составляющему важную часть духовного наследия Западно-Европейского экзархата.

В книге признаётся влияние монархических кругов на деятельность Зарубежного Синода, но отмечается, что в отличие от своего предшественника митрополита Антония (Храповицкого), «митрополит Анастасий, симпатизируя монархии, тем не менее смотрел на эмигрантские политические течения прагматически, стараясь получить от них пользу» (с. 48–49). В 1930–1940-е гг. Зарубежный Синод поддерживал связи с различными антибольшевистскими силами от Всероссийской фашистской организации А.А. Вонсяцкого до Юношеской христианской ассоциации (УМКА) и Русского студенческого христианского движения, «если это сулило выгоду» (с. 49). Но «ни одно из политических движений не было столь значительным, чтобы влиять на РПЦЗ», а те или иные симпатии и увлечения отдельных церковных деятелей никогда не выражали общую позицию зарубежных иерархов (с. 50–51).

Внимательно анализируется в монографии отношение Зарубежного Синода к режиму Гитлера. Как отмечает Кострюков, руководство РПЦЗ понимало, насколько глубоко чужда христианству идеология нацизма, основанная «на началах принуждения» (с. 61). Вместе с тем в 1936 г. Берлинская и Германская епархия РПЦЗ получила «статус корпорации публичного права», т.е. была легализована и пользовалась покровительством государства (с. 56). Естественно, за богослужением в её храмах возносились молитвы о правительстве и «вожде народа германского» (с. 57). Это не могло не отразиться и на положении русских православных приходов в Германии, не входивших в подчинение Зарубежному Синоду (особенно «евлогианских»). Согласно законам Германии, православное духовенство должно было управляться из единого центра,

признанного государственной властью, поэтому приходы Западно-Европейского экзархата должны были войти в сферу канонического влияния РПЦЗ, значительная их часть под прямым давлением Министерства церковных дел оказалась вынуждена перейти в юрисдикцию Зарубежного Синода³. В 1938 г. в ходе торжественного освящения Воскресенского кафедрального собора в Берлине, построенного с разрешения и при серьезной материальной поддержке немецкого правительства, митрополит Анастасий прочёл благодарственный адрес, направленный Гитлеру, и вознёс молитву за вождя Германии. Впоследствии первоиерарха РПЦЗ не раз осуждали за это, забывая, что отношение к нацистскому руководству в мире в конце 1930-х гг. было более чем терпимым, о чём свидетельствовали и мюнхенские соглашения 1938 г., и пакт о ненападении между СССР и Германией 1939 г.

Рассматривая административные и епархиальные преобразования в РПЦЗ в условиях Второй мировой войны и изменения государственных границ, автор довольно подробно освещает идеологию Зарубежной Церкви и восприятие её паствой и пастырями Московской церковной власти, намерений нацистов, а затем и нападения Германии на СССР. Кострюков не разделяет укрепившееся в историографии представление о полной и безусловной поддержке III рейха духовенством РПЦЗ. Конечно, немалая часть эмиграции (в том числе и православной), с нетерпением ожидавшая освобождения родины от большевиков, увидела в начавшейся в июне 1941 г. войне реальный шанс свергнуть коммунистическое правительство. Однако ни нацистскому режиму, ни гитлеровским планам расчленения России клирики и епископы Зарубежной Церкви не сочувствовали (с. 86). Некоторые архиереи действительно призывали молиться за германскую армию и её солдат – «самоотверженных борцов против безбожников», но Зарубежный Синод в официальных документах никогда не заявлял о поддержке Германии и не давал указаний служить молебны о победе вермахта (с. 90). В то же время некоторые священнослужители Зарубежной Церкви запрещали своей пастве вступать в воинские форми-

рования, сражавшиеся на стороне Германии, поддерживали антифашистское сопротивление и даже молились за победу советского народа (с. 89). В целом же, по словам автора, «отношения между гитлеровским руководством и Зарубежным Синодом не сложились» (с. 91): сказывались и осторожность митрополита Анастасия, и недоверие властей III рейха к служителям православной Церкви, в которой они интуитивно ощущали силу, способствующую консолидации русского народа. Поэтому, стремясь к уничтожению России, они последовательно шли к своей цели, ослабляя православие, поощряя раскольничьи и националистические тенденции, раздробляя церковные образования на различные юрисдикции на оккупированных территориях и не допуская на них церковно-миссионерской деятельности Зарубежного Синода. Церковная эмиграция, мечтавшая о сильной и единой России, освобождённой от большевиков, поддерживать подобную политику не могла.

Но при этом большинство епископов и клириков Зарубежной Церкви не признавали каноничность избрания патриарха Сергия (Страгородского) в Москве в сентябре 1943 г., не без основания считая, что собор епископов, на котором и состоялись выборы, проводился по указанию Кремля, преследовавшего собственные интересы. В октябре 1943 г. второе восстановление патриаршества в СССР обсуждалось на совещании архиереев РПЦЗ в Вене. Хотя в его подготовке активно участвовали чины РСХА, как утверждает автор, «было бы неправильно считать это мероприятие всего лишь пропагандистским актом германской идеологической машины» (с. 108). Примечательно, что на совещании не присутствовали представители немецких служб, а в составленном епископами меморандуме, направленном затем германскому правительству, содержались элементы критики политики рейха в отношении «остовцев». Собравшиеся в Вене иерархи отказались признать митрополита Сергия патриархом и возносить за него молитвы «как за главу Всероссийской Церкви» (с. 111). Однако это решение было обусловлено отнюдь не только политическими или идеологическими соображениями, участники совещания еди-

ногласно указывали на то, что прошедшие в Москве выборы серьёзно нарушали правила, установленные Поместным собором 1917–1918 гг., согласно которым патриарха мог избрать только Поместный собор, где право решающего голоса имели бы как епископы, так и клирики и миряне. Между тем в Москве в выборах патриарха участвовала лишь небольшая группа архиереев, не отражавшая позицию всей Церкви. При этом автор приводит примеры скрытого сочувствия и даже одобрения выборов патриарха некоторыми заграничными иерархами, например, митрополитом Литовским и Виленским Сергием (Воскресенским), экзархом Прибалтики, и митрополитом Феофилом (Пашковским), возглавлявшим Северо-Американскую митрополию (с. 107).

Немало места в своей работе Кострюков уделяет изменениям, происходившим в жизни РПЦЗ в последние месяцы войны. Это не только перемещение резиденции Синода Зарубежной Церкви из Югославии в Германию, но и численный рост русских православных приходов более чем в 5 раз, что было обусловлено огромным числом «остарбайтеров», военнопленных и эмигрантов «второй волны». Вместе с вермахтом освобождавшиеся территории СССР часто покидали бывшие епископы и клирики Московской патриархии, многие из которых присоединялись к Зарубежной Церкви, где их принимали без особой процедуры покаяния (с. 117), хотя некоторая часть РПЦЗ не скрывала холодности и равнодушия к нуждам бежавших от советских войск, высокомерно считая их «испорченными» жизнью при коммунистической диктатуре (с. 120). К сожалению, явно недостаточно освещается в книге духовное окормление клиром РПЦЗ лагерей «перемещённых лиц» (DP) на территории Германии. Эта важнейшая тема ещё ждёт своих исследователей.

Лишь мимоходом, буквально в одной строчке, Кострюков упоминает о благословении митрополитом Анастасием генерала А.А. Власова и его армии. У автора это не вызывает осуждения, поскольку «сам Власов не разделял ни нацистской идеологии, ни гитлеровских планов расчленения России» (с. 90). Между тем в декабре 1944 г. митрополит Анастасий писал:

«В политическом же отношении надо всем объединиться вокруг Власова, ибо никого другого, кто имел бы возможность собрать русские силы для борьбы с коммунизмом, сейчас налицо нет»⁴. Епископы и клирики Зарубежной Церкви присутствовали среди прочих «представителей» при провозглашении в Праге манифеста Комитета освобождения народов России, а протоиерей Александр Киселёв выступил с речью, приветствуя его от лица Русской Церкви⁵. Примечательно, что Власов поддерживал появление в своих частях полковых священников, и в феврале 1945 г. Зарубежный Синод назначил архимандрита Серафима (Иванова) протопресвитером военного духовенства Русской Освободительной армии (РОА)⁶. Именно Власов спас митрополита Анастасия от наступающей Красной армии. 15 апреля 1945 г. по личному приказу генерала митрополит с келейником и чудотворной Курской иконой Божией Матери были вывезены на штабном автобусе из Карлсбада на юг Германии и оказались затем в американской зоне оккупации⁷. В середине августа 1945 г. сам митрополит Анастасий и его представители неоднократно обращались к командующему американскими войсками генералу Д. Эйзенхауэру, протестуя против репатриации солдат и офицеров РОА в СССР. О генерале Власове и его подчинённых, казнённых в СССР, за рубежом вспоминают до сих пор. На местах выдачи советским репатриационным комиссиям власовцев и других лиц, включая эмигрантов первой волны, установлены памятные знаки, ежегодно совершаются заупокойные службы. В 1946 г. на панихиде по чинам РОА митрополит Анастасий произнёс проповедь «о тех, кто положил свою жизнь в борьбе с коммунистической диктатурой, кто, зная свою обречённость, принёс свою жизнь на алтарь Родины во имя высоких идей христианства и справедливости»⁸.

Анализируя процессы, протекавшие в первые послевоенные годы, Кострюков рассказывает о перешедших под юрисдикцию Москвы православных клириках и епископах в Китае, Болгарии, Германии и Чехословакии, а также обо всех сложностях неудавшейся попытки присоединения к Московскому патриархату приходов

Северо-Американской митрополии и Западно-Европейского экзархата. При этом автор справедливо отмечает особое значение советской пропаганды, которую поддерживали не только специальные организации («Союз возвращения на родину» и т.п.), но и церковные иерархи – митрополит Николай (Ярушевич), архиепископ Григорий (Чуков) и др. Присоединение представителей Зарубежной Церкви к Московскому патриархату, как правило, проходило мирно, и «чин открытого покаяния не предусматривался» (с. 128), несмотря на то, что ещё в 1934 г. митрополит Сергей (Страгородский) и Временный Патриарший Синод выпустили документ о запрещении карловацких епископов и предании их церковному суду⁹.

В третьей главе монографии говорится о событиях второй половины 1940-х гг. и преодолении кризиса в Зарубежной Церкви. Подробно характеризуя епархиальное устройство РПЦЗ того времени, автор пытается раскрыть непростые отношения Зарубежного Синода с Северо-Американской митрополией. И хотя исследователь явно симпатизирует РПЦЗ, собранный им материал свидетельствует о том, что причиной разрыва этих ветвей церковной эмиграции стало взаимное стремление к преобладанию. Так, в 1946 г. Северо-Американская митрополия рассматривала «вопрос о подчинении себе анастасиевских приходов во всём мире» (с. 183). В свою очередь, Зарубежный Синод планировал переезд в США, собираясь продолжить свою деятельность там, где прежде приоритет оставался за Северо-Американской митрополией. В итоге в ноябре 1946 г. большинство участников собора, проходившего в Кливленде, высказались за прекращение административного подчинения Зарубежному Синоду. Это было сделано, по мнению Кострюкова, вследствие усиления сторонников автокефалии, рассчитывавших получить её от Московской патриархии и дистанцировавшихся от РПЦЗ, чтобы снискать благоволение Алексия I. При этом на соборе в Кливленде никто не думал о подчинении Москве, а о патриархе говорили лишь как о «духовном главе», который не будет вмешиваться во внутренние дела Северо-Американской митрополии (с. 186). В марте

1947 г. Архиерейский Синод РПЦЗ окончательно констатировал разрыв и объявил о восстановлении своих приходов в США, что положило начало существованию двух юрисдикций русской церковной эмиграции в Северной Америке (с. 193).

В этом конфликте отчётливо проявилось сосуществование в русском православном рассеянии двух типов церковности. Северо-Американская митрополия и Западно-Европейский экзархат демонстрировали открытость к инославному окружению и готовность принять в свои приходы коренное население, что в перспективе способствовало развитию местного православия, нуждавшегося в независимости и автокефалии¹⁰. Для РПЦЗ, напротив, идея какого-либо обособления была неприемлема, поскольку Зарубежный Синод по-прежнему считал себя частью Православной Российской Церкви, временно (до падения коммунистического строя) находящейся за границей (с. 243). Это лишь усиливалось определённой политизированностью и консервативностью иерархов РПЦЗ, сохранявших особую приверженность до-революционным нормам и идеалам. Так, на совещании архиереев РПЦЗ критиковался принятый в Северо-Американской митрополии порядок церковного управления «при котором миряне имели право решающего голоса наравне с архиереями» (с. 193). Тем самым в РПЦЗ отказывались от важнейших решений Поместного собора 1917–1918 гг. Впрочем, весьма далеко ушла от этих принципов и православная Церковь в Советской России.

Последняя глава монографии освещает положение Русской Зарубежной Церкви после переезда её Синода в США (1950–1964 гг.). В частности, анализируются изменения в административном устройстве, отношения с Московской патриархией и другими поместными церквями, представления иерархов о своей исторической миссии и проч. Кострюков констатирует, что с годами позиция РПЦЗ становилась всё более жёсткой и в октябре 1953 г. состоялось решение архиерейского собора «о принятии клириков Московской патриархии через публичное покаяние» (с. 279–282). Это на

долгие годы закрепляло конфликт между двумя частями некогда единой Церкви. Однако, как указывает исследователь, отдельные клирики и епископы (например, архиепископ Иоанн (Максимович) не отрицали благодатности Русской Православной Церкви в СССР и относились к её служителям без осуждения (с. 293).

В эти годы в СССР нарастала новая волна гонений на христиан, связанная с политикой Н.С. Хрущёва. Митрополит Анастасий и другие представители РПЦЗ неоднократно выступали с «обвинениями в адрес московской церковной власти», отрицавшей притеснение верующих (с. 289). Фактически прерваны были и отношения с православными церквями в странах Восточной Европы, которые находились в сфере влияния Москвы и не признавались Зарубежным Синодом (с. 303).

Решив в 1950 г., что «участие православных христиан в экуменических организациях... недопустимо» (с. 310), Архиерейский Синод РПЦЗ серьёзно разошёлся с Вселенским патриархатом. Разрыв с поместными церквями ещё более увеличился после того, как некоторые иерархи открыто поддержали греческое старостильное движение, совершив хиротонию пяти епископов (с. 317). Всё это подготавливало условия для ускорения самоизоляции РПЦЗ. Одновременно чем слабее становился митрополит Анастасий, тем сильнее разгоралась борьба между различными группами, а после его отхода от дел стремительная радикализация Зарубежной Церкви и кризис власти принесли «свои горькие плоды» (с. 318, 333).

Следует признать, что книга А.А. Кострюкова является важным событием в отечественной историографии и помогает избавиться от многих пропагандистских штампов и предрассудков, оставшихся ещё с тех времён, когда Зарубежная Церковь представлялась многим, в том числе православным гражданам СССР, олицетворением контрреволюции и политической реакции. Вместе с тем Кострюков создал замечательный портрет митрополита Анастасия (Грибановского) — человека, имевшего свои сильные и слабые стороны, но сумевшего в трудное время сохранить вверенную ему Зарубежную Церковь и не допустить её капитуляции

перед безбожными режимами Германии и СССР. Надеясь на будущее воссоединение Русской Православной Церкви, временно разделённой идеологическими барьерами, он сожалел не только о жертвах, но и о мучителях, потерявших образ Божий. «Самое их царство на земле является неким преддверием ада, — говорил он о коммунистах, — в котором мучаются и страдают все — и угнетаемые, и угнетатели, ибо служение злу никому не приносит истинной радости» (с. 276). Однако, несмотря на явную симпатию к владыке, автор монографии объективно и даже критически оценивает исторический путь, пройденный РПЦЗ в 1940–1960-е гг.

Примечания

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация церковного управления в эмиграции и его отношение с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007; *он же*. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011; *он же*. Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология. М., 2011.

² Корнилов А.А. Духовенство перемещённых лиц: Биографический словарь. Н. Новгород, 2002; Косик В. Русское церковное зарубежье. XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. М., 2008; Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009.

³ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 224.

⁴ Цит. по: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 171.

⁵ Там же. С. 164–165.

⁶ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. 2007. № 1(5). С. 221.

⁷ Там же. С. 224.

⁸ Там же. С. 227.

⁹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. М., 2007. С. 497.

¹⁰ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 251–255.